

ЧУТЬ В СТОРОНУ, НО ВСЕ ЖЕ В НАПРАВЛЕНИИ К ВАСИЛИЮ РОЗАНОВУ: ФИЛОСОФИЯ ЧАСТНОГО ОБРАЗА МЫСЛЕЙ

© Г. В. Мелихов

В статье предпринята попытка реконструкции некоторых особенностей специфически розановского образа мысли. Автор исходит из допущения, что проделать работу эту можно, лишь мысля, хотя бы чуть-чуть, но по-розановски...

Ключевые слова: Василий Розанов, частный мыслитель, музыка и Бог.

Мелихов
Герман Владимирович
кандидат философских наук,
доцент
кафедра общей философии
философского факультета
Казанский государственный
университет

Рассеянный человек и есть сосредоточенный. Но не на ожидаемом и желанном, а на другом и своем.

Имей всегда сосредоточенное устремление, не гляди по сторонам. Это не значит — будь слеп. Глазами, пожалуй, гляди везде: но душою никогда не смотри на многое, а на одно.

В. Розанов

Мы не знаем, и собственно никто не знает, почему и как слово начинает звучать.

В. Библихин

Предметом моего внимания выступает не столько В. Розанов, сколько «частный мыслитель» — редкое явление на российской интеллектуальной почве, то есть человек, вроде как все время говорящий о себе — своих мыслях, но говорящий так, как будто это вовсе и не его мысли, и он сам ничего не придумал, но лишь слушал «музыку» в своей душе. Далее я поясню, что все это значит. Сразу хочу сказать: я не ставлю перед собой историографических задач. Мне нет никакого дела до философии В. Розанова, «как она есть на самом деле». Зато меня интере-

Г. В. Мелихов

сует его образ *мыслей*, который и воплощает собой принцип частного философского мышления¹.

* * *

Писать о В. Розанове необыкновенно приятно — его мысль податлива и непретенциозна. Розанов как будто даже и «не работает»: не продумывает, не формулирует, не оттачивает аргументы. Он не измышляет теории, ни на чем не настаивает, ни с кем не борется, как будто бы даже ничего и не утверждает. Он просто дает *надлежащее* имя тому, что чувствует и о чем мыслит в настоящий момент. Удивительный, редкий дар настоящего писателя!

Вот и о себе он пишет: «Я пришел в мир, чтобы *видеть*, а не *совершить*»². Созерцать, а не действовать («Зачем? Кому нужно? Просто — мне нужно»³). Смелое самоопределение мыслителя в эпоху, когда хорошим тоном считалось учредить мысль в служении какому-нибудь правому (в смысле общественно-полезному) *делу*. С тех пор и по сей день мыслители не раз «переопределялись» в идеологов и публицистов, «историков настоящего» и «экспертов» самого разного толка, но всегда с одной единственной целью: беззаветного служения насущным потребностям дня сегодняшнего. Согласно тогда же изобретенным теориям, популярным еще и ныне, мысль — это и не мысль вовсе, то есть нечто глубоко самостоятельное, а другое имя человеческого действия (практики), инстинкта или чего-нибудь еще в достаточной степени осязаемого и жгуче современного. Оказывается, замкнутой в себе, автономной мысли не бывает! Возможно. Однако всего за три или четыре десятка лет до вхождения в европейскую культуру мысли М. Хайдеггера, Розанов напоминает: как только мысль преуспевает в служении некоей пользе, а не собственной глубине, она в какой-то момент может обернуться заурядным *расчетом*, говорящим больше не о *мыслимом*, но о том, *кто* мыслит, а еще точнее — о том, с кем и как мыслящий борется в настоящий момент...

В самом деле, В. Розанов был едва ли не единственным *независимым* мыслителем в России. Его созерцание не было ангажировано никакой «злойбой дня» — церковной или политической. Единственное, на что «опиралась» его мысль — это личное служение Богу. «Уже с 1 курса университета, — рассказывает Розанов, — я перестал быть безбожником и, не преувеличивая, скажу: Бог поселился во мне... так, что Он занял всего меня, без какого-либо остатка, в то же время как-то оставив мысль свободною и энергичною в отношении других тем...»⁴. О чем, собственно, идет речь? Мыслитель обязан созерцать, а не действовать, то есть оставаться в уеди-

¹ В реконструкции этого образа *мыслей* я, в основном, опирался на такие произведения Розанова, как «Уединенное» и «Опавшие листья», которые, по словам А. Синявского, адекватно выражают собственно философскую позицию их автора. И мне с этим суждением А. Синявского трудно не согласиться.

² Розанов, В. Опавшие листья. Короб первый // Сочинения в 2 т. / В. Розанов. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 279.

³ Там же. С. 195.

⁴ Синявский, А. «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. М.: Захаров, 1999. С. 21.

ненном и сосредоточенном внимании к тому, что происходит с ним в тишине бездействия — в сфере воздействия на него объективности сознания. В этом смысле мыслитель отличается от современного интеллектуала, которому непременно нужно быть «в самой гуще событий», «оказывать на кого-нибудь влияние», что-нибудь «формировать» вокруг, «будоражить», «взывать» к чему-нибудь, то есть производить «дискурсом» своим заметные для других общественные эффекты. Современный интеллектуал — будем справедливы — выражает заботу не о себе, но и не об истине как таковой (есть ли еще нечто подобное?!); он — выразитель сиюминутных общественных интересов; лицо, мыслящее от имени общего, понятого как объективность социальной жизни⁵.

Интеллектуал, наставляет Ю. Хабермас, должен быть взволнованным. И тут же добавляет, поясняя, что заставляет его волноваться: он обязан быть способным почуять нечто важное в происходящем вокруг в тот момент, когда другие еще ничего не подозревают, занимаясь обычными своими делами⁶. Развитое чутье — кто будет против?! Разница в том, что мыслитель «чуёт» происходящее, концептуально разотождествляясь с окружающей его социальной жизнью. Так если Розанов «Опавших листьев» и «чуёт» происходящее вокруг, то как *посторонний* и совсем не взволнованно⁷. И не беспокоит его то, что так волнует Хабермаса — ну, нет Розанову никакого дела до того, «почуял» он нечто важное для других или нет, первый он это сделал или самый последний («Ах, добрый читатель, я уже давно пишу “без читателя”, — просто потому, что *нравится*»⁸). Единственная тема Розанова-мыслителя — это тема *отдельного* человека, одиноко, пусть и в страдании, но вольно стоящего в просвете между рутинной каждодневных трудов своих («жизнью») и *объективностью* сознания. Поэтому главное для Розанова — говорить и писать так, как *будто* ты оказался в поле взаимодействия с *объективностью* сознания («Бог поселился во мне»). «Как будто», потому что со стороны никто ничего сказать не может — все выглядит вполне пристойно: ну срывает с души своей восклицания, охи-вздохи, полумысли, получувства, и, слава Богу, ничего тебе такого подозрительно «ноуменального», одна голая субъективность... Надо ли здесь что-то опровергать?!

⁵ И потому не способен этот интеллектуал высказать что-нибудь вопреки текущей «злобе дня», то есть собственно (до неприличия) философское, например, что-нибудь в духе Розанова: «Ученых (читай: интеллектуалов. — Г. М.) надо *драть за уши*. И мудрые из них это одобряют, а прочие если и рассердятся, то на это нечего обращать внимание». См.: Розанов, В. Опавшие листья. Короб второй // Сочинения в 2 т. / В. Розанов. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 463.

⁶ Хабермас, Ю. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала // Неприкосновенный запас. № 47.

⁷ Интересен следующий биографический факт, характеризующий *стороннюю* позицию мыслителя: В. Розанов никогда не читал свои тексты на Религиозно-философских собраниях, за него это делал кто-нибудь из присутствующих — даже наши собственные писания, и они не принадлежат нам. Так почему бы и на них не посмотреть как на нечто чужое — ну ее, всю эту «литературу»!

⁸ Розанов, В. Уединенное // Сочинения в 2 т. / В. Розанов. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 195.

А для себя «как будто», потому что слова, тобою же высказанные — записанные или произнесенные, — не так уж и важны. Как на душу легло... Главное — само нахождение в «просвете», в сфере воздействия объективности сознания.

Розанов — пример *частного* мыслителя. Стоит человек в стороне от дороги, замер в думе о чем-то. Все бегут, торопятся — успеть бы. Кругом пыль, шум, топот, мельтешат взмыленные лица. Никому нет дела до одиноко стоящего в сторонке человека, но и он никого не тревожит, будучи равнодушным к царящей вокруг суете. О чем он думает? Трудно сказать. Пожалуй, даже не о чем-то конкретном. «Секрет писательства, — пишет Розанов, — заключается в вечной и невольной музыке в душе... Что-то течет в душе. Вечно. Постоянно. Что? Почему? Кто знает?...»⁹.

Частного мыслителя отличает одна особенность: он не глядит по сторонам, выискивая что-нибудь «важное». Это не значит, что его не беспокоит происходящее вокруг, — ничем он не отличается от других людей, многое и его волнует. Да и, честно говоря, пыль порою так забивает глаза и нос, что дышать и видеть становится невмозготу. Как тут не обратить внимание?! Просто частный мыслитель старается обращать внимание не на важное *вовне*, а на «музыку» в *своей* душе. Далее я постараюсь извлечь несколько выводов из этого основополагающего для частного образа мыслей факта.

* * *

«Частный мыслитель» — именование *специфического* образа мысли, *увиденного со стороны кем-то другим*. Разумеется, частный мыслитель не может жить вне общества. Не то, чтобы он тяготится этим обществом, пренебрегает им или заигрывает с ним — нет у него всего этого. Но и особой любви «к обществу» обнаружить у него тоже не получится. Непонятно ему, как вообще можно любить или не любить общество. Ведь «общество» — это всего лишь одно из множества общих понятий, какими «демон обобщения» (очень вредный демон) вводит нас, грешных, в соблазн словесной игры ярлыками — осколками давних и чужих мыслей¹⁰. Частный мыслитель просто живет «в обществе»: раскланивается с соседями и коллегами, пописывает статейки, пьет чаек, получает «зарплату», бывает, даже негодует на очередной «скачок цен» и пр., но никакую «теоретическую базу» под этот очевидный факт общественной жизни нашей он не подводит. Вероятно, потому что размышляет он все же о чем-то другом и *своем*. Частный мыслитель думает из глубоко *личного* отношения ко всему на свете. Даже к Богу. «Что такое Бог для меня? Боюсь ли я Его? Нисколько. Что Он накажет? Нет. Что Он даст будущую жизнь? Нет. Что Он меня питает? Нет. Что через него существую, создан? Нет. Так что же Он такое для меня? Моя вечная грусть и радость. Особенная, ни к чему не относящаяся... Бог для меня всегда «он». Или «ты»; — всегда близок. Мой Бог — особенный. Это только *мой* Бог; и еще ничей. Если еще «чей-нибудь» — то этого я не знаю и не интересуюсь. «Мой Бог» — бесконечная моя интимность, бесконечная моя индивидуальность...»¹¹

⁹ Розанов, В. Указ. соч. С. 203.

¹⁰ Набоков, В. On Generalities // Звезда. 1999. № 4.

¹¹ Розанов, В. Указ. соч. С. 230.

Частный образ мысли основан на реально переживаемом ощущении исконного *родства* всего со всем и твоей личной *близости* всему. Когда ты, пристально всматриваясь в какой-нибудь близкий, волнующий тебя предмет мысли, вдруг обретаешь иное видение — особость изучаемого предмета отступает на задний план, мыслимое как будто распахивает свои «внутренние» покои куда-то «наружу», открывая твоему взору захватывающий дух, простор: ты явственно осознаешь присутствие огромной силы, пронзающей токами симпатии все, что есть на «земле» и на «небе». В этот момент ты понимаешь, что нет ничего «отдельного» и «само-сущего». Все — едино. Но как-то по-особому, совсем без насилия по отношению к любой форме «отдельного». Такое ощущение как будто ты прикоснулся к ожерелью ведического бога Индры. Говорят, в небесах Индры есть нить жемчуга, подобранная так, что если глянешь на одну жемчужину, то увидишь все остальные отраженными в ней. Поэтический образ ожерелья Индры — метафора реально переживаемого опыта родственного единения всего со всем, по-видимому, хорошо знакомого Розанову. Удивительное, вдохновляющее переживание!

Не всегда частному мыслителю удается удержать себя в этом переживании, но самые лучшие из его дум, несомненно, проистекают из этого вдохновенного источника. Кто-то называет частного мыслителя «мистиком», кто-то другой — каким-нибудь иным «бранным» словом (проделки демона обобщения!), не суть это важно. Главное — в другом: прежде познавательного, то есть *различающего*, отношения, существует для частного мыслителя отношение доверительное-родственное, то есть *собирающее*. Это означает, что все различия проводятся лишь после того, как частный мыслитель уже оказался в единстве с познаваемым. Прежде чем нечто попадет в поле внимания частного мыслителя, превратится в интенцию его сознания, еще раньше предмет мысли уже должен основательно *овладеть* им. Частный мыслитель должен быть *захвачен* предметом мысли, вплоть до полного с ним («интимного») отождествления. Знание конкретного интеллектуального факта извлекается частным мыслителем путем погружения себя куда-то далеко — в *свою* же собственную, неизреченную глубину или, что то же самое, вовне, в *другое*, то есть в переживание родственности всего со всем — переживание, которое забыть частный мыслитель никак не может. Да и просто не хочет.

Поэтому частный мыслитель, если посмотреть на него со стороны, ведет себя очень странно: например, он как будто даже и не читает книжки — все время говорит «об одном», своевольно извлекая *любое* знание из «себя». Достаточно прислушаться к тому, что и так *уже* звучит в его собственной душе... Можно ли доверять такому отъявленному типу?! Вопрос риторический: конечно же, нет! Поэтому частный мыслитель абсолютно *частным* образом, то есть без оглядки на господствующий тип мысли, возводит свои переживания в статус онтологического постулата. И начинает философствовать.

Теперь, полагаю, становится ясным, почему частный мыслитель является, собственно говоря, «частным». Только лишь потому, что его образ мысли стоит особняком. Какой-то он странный все же, этот частный мыслитель. «Частным» мыслитель является в силу *нетипического* образа своих мыслей.

* * *

О «музыке» как основе частного образа мыслей. «Музыка» — основа частного образа мыслей. Конечно, это метафора. Не следует, однако, полагать, что это просто одна из красивых фраз, и не более того. Думать из «музыки» в своей душе — означает нечто вполне определенное, хотя и разделяемое далеко не всеми.

«Останься пеной, Афродита. И, слово, в музыку вернись»¹².

«Музыка» — метафора молчащего слова. Слова, уступившего место переживанию изначального родства всего со всем. Трудно забыть это переживание, вот и «течет» оно ненавязчиво в глубине души нашей (до тех пор, пока не забыли мы его), наполняя смыслом приходящие к нам слова. Но об этом чуть ниже, а пока постараемся понять: «музыка» реальна! Если, конечно, еще найдутся среди нас люди, для которых статусом реальности обладают столь эфемерные и «субъективные» вещи...

* * *

Частный мыслитель не философ-интеллектуал, но и не писатель в собственном смысле слова. Конечно же, все дело в «музыке», невольно текущей в душе... «Музыка» не имеет отношения к содержанию нашего мышления — это не идея, но то, что «проступает» в мысли нашей и заставляет слово звучать, придает ему вес и значительность. Можно не соглашаться с мнением частного мыслителя, но пройти мимо — нет никакой возможности. Мы все равно остановимся и задумаемся... Странный источник философствования! Но именно здесь пролегает разница между частным мыслителем и современным философом-интеллектуалом. Этот последний непременно увидит в «музыке» все, что угодно, но только не философский критерий. Частный мыслитель с точки зрения интеллектуала — это всего лишь любитель яркого, смачного словца, «филолог», а не «философ». Вот Розанов как раз и является «литератором», чужд он всяких утонченно замысловатых дистинкций, не включен в жестко структурированное профессиональное сообщество, и потому мышление его подлежит оценке исключительно по эстетическим критериям. Самодум, да и только! Конечно, интеллектуал прав — мышление Розанова не вполне философское. Его мысль клубилась где-то у самых истоков философствования, иногда приходя в соприкосновение с философией, а порою устремляясь прочь от нее. Частный мыслитель не обязательно должен быть философом-интеллектуалом — это правда. Но это не означает, что мысль его подлежит оценке исключительно по департаменту «литературоведа» или «филолога». Частным мыслителем может интересоваться... другой частный мыслитель, где бы он не обитал в России или на Западе, а не только филолог. А философ-интеллектуал — любитель не мудрости, но мышления посредством понятий — только делает вид, что не интересуется частным мыслителем. Тайно от всех и жадно читает он его книги, завидуя воздушности и беспочвенности мысли их автора.

¹² Манделштам, О. Э. Silentium // Собрание произведений. Стихотворения. М., 1992. С. 7.

Розанов мыслил емко, выражал свои мысли в густых, осязаемо конкретных образах, но и он проводил различия. Мыслить — значит различать, а вот выражать различия не возбраняется и в образах — нет в этом для частного мыслителя ничего предосудительного. Частный мыслитель не может быть назван философом-интеллектуалом, потому что иногда мысли к нему приходят в форме образов, но из этого не вытекает, что он является в полном смысле слова «писателем», чистым художником слова. Частный философ «задыхается в мысли»¹³, а не в чувствах и переживаниях, и ему «приятно жить в таком задыхании» мыслью. Мысли теснятся в его душе, рвутся наружу, требуя успокоения в слове. Не слово важно, но сознание присутствия мысли, участие в деле мысли, до конца непонятном, но волнующем.

Так кто же такой частный мыслитель? Есть в нем что-то задумчивое... И это задумчивое прорвется иной раз сквозь ладный категориальный строй профессионального философского мышления или узорные красоты писателя, заставляя понятие и образ, выраженные в слове, звучать живой, полнокровной мыслью.

* * *

О критериях философичности частного образа мысли. И все же частный мыслитель хотя бы немного, но является философом. Правда, в каком-то изначальном, почти забытом сегодня понимании философии.

Д. Б. Зильберман — мыслитель с явными проблесками гениальности, частным образом (в своем письме к некой известной ему Тане) вводил три критерия философичности (речь шла о феноменологии Э. Гуссерля, но все это, с моей точки зрения, «работает» и на материале любой, проверенной временем философии)¹⁴.

Первый признак философичности гласит: философ всю свою жизнь занимается одной-единственной мыслью. И потому все дело философа может быть выражено одним словом/идеей, поскольку оно прихватывает одну ситуацию. В. Розанов всю свою жизнь думал из одной мысли — о родственной, интимной близости всего всему. Какие там «кадеты-эссеры», «монархисты-анархисты», «правые-левые», всякие там «...филы-фобы» — все это мыльные пузыри, на пару секунд давшие о себе знать в атмосфере одного Всего, единственно живого! (Впрочем, Розанов не отрицал разделенности вообще — таковая возможна: да вот хотя бы укорененное в самом сердце Вселенной разделение на женское и мужское начала).

Второй признак философичности: философ ничего сам не придумывает. Все уже есть. И мысли в том числе: они заглядывают к нам издалека. Или откуда-нибудь из «неподалеку». Поэтому так значим для философа во внешней его жизни... другой философ. И беседа с ним. Даже если все свои знания он черпает «из себя». Так Гуссерль почти ничего нового не сказал в сравнении с Декартом. Проблема состоит в том, чтобы звучащую в твоей душе «музыку» облечь в подходящие ей слова/идеи. И вот здесь нам не-

¹³ Розанов, В. Указ. соч. С. 232.

¹⁴ Гурко, Е. Модальная методология Давида Зильбермана. Минск, 2007. С. 141—146.

пременно поможет энергия притяжения/отталкивания, возникающая во взаимодействии с мыслью другого философа. Так наше частное переживание отливается в онтологический постулат — соприродность всего всему. Разворачивание этого постулата в эпистемологической перспективе дает розановскую концепцию понимания, в перспективе социальной теории — его же концепцию семьи и пола как основы устройства общественной жизни, а в отношении теории литературы и литературной критики — концепцию «смерти литературы» как... единственно возможную для нее — литературы — жизнь в отношениях ее с миром не-литературы (каким бы этот мир не был: индивидуальным, общим или даже всеобщим).

Наконец, имеется еще один, третий (и весьма любопытный), признак философичности, на который указывает Д. Зильберман: занятия философией предполагают недюжей силы убежденность в своем деле. Э. Гуссерль серьезно верил, что «выговоренный» им феноменологический проект «цепляет» не одно поколение мыслителей. И потому, успеет он завершить свое дело или нет, не так уж это и важно, главное — начать, проговорить как можно яснее задуманное. Розановская убежденность в своем философском деле выражает себя иначе (в религиозных терминах): «Слияние своей жизни, *fatum'a*, особенно мыслей и, главное, писаний с Божеским “хочу” — было постоянно во мне, с самой юности, даже с отрочества. И отсюда, пожалуй, вытекала моя небрежность. Я потому был небрежен, что какой-то внутренний голос, какое-то непреодолимое внутреннее убеждение мне говорило, что все, что я говорю, — хочет Бог, чтобы я говорил. Не всегда это бывало в одинаковом напряжении: но иногда это убеждение, эта вера доходила до какой-то раскаленности... В такие минуты я чувствовал, что говорю какую-то абсолютную правду и “под точь-в-точь таким углом наклона”, как это есть в мире, в Боге, в “истине в самой себе”. Большею частью, однако, это не записывалось (не было пера)»¹⁵.

Философ-интеллектуал явно проигрывает частному мыслителю в философичности своей мысли — не хватает ему истинно философской харизмы, одного только (третьего) критерия. Слаб, ой, слаб человек! Слишком уж хлипкая сила его убежденности. Современный интеллектуал не верит в истину, но говорит всегда так, как если бы она была. Поэтому ему ничего другого не остается, как улыбаться. «Понимающей» улыбкой авгура¹⁶. Мы все понимаем, что все, чем мы занимаемся, — полная и окончательная «лабуда». Но жить-то как-то надо: семья, дети, то, се... Ну и удовольствия там всякие — маленькие, но дорогие. Вы слушаете мои лекции, потому что вам надо, я читаю их, потому что это надо мне — денюжки нужны всем. И все мы вместе — понимающие друг друга авгуры. И ничего другого нам не остается, как улыбаться и *делать вид*, что мы участвуем в таинстве совершения одного общего дела... Авгуры-интеллектуалы — мастера раз-

¹⁵ Розанов, В. Уединенное // Сочинения в 2 т. / В. Розанов. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 248—249.

¹⁶ Интересную разработку концептуальной фигуры авгура можно найти в работе самарского философа (Разинов, Ю. «Я» как объективная ошибка. Самара, 2006. С. 195—196, 242—250).

нообразнейших компромиссов, главный среди которых — большущий компромисс с самим собой. Зачем мне быть прорицателем, если я им не являюсь по сути, не верю я ни в какую ворожбу? Только потому, что этого хотят другие? Непонятно это. Ах, да, денежки нужны... Ну так иди туда, где их дают больше, зачем подстраиваться под кого-то? Ах, да, хочется еще чего-нибудь такого, непременно престижного, социально значимого, и так, чтобы «для души» было... Трудно, ой, трудно быть авгуром!

Частному мыслителю больше подойдет роль шута, чем авгура с его популярными и уж очень затейливыми шпионскими ужимками. Шут убежден, что знает истину, и не боится он выражать это свое убеждение. Но иногда частный мыслитель откровенно «валяет дурака», потому что говорить и писать, сливаясь с Божеским «хочу», заведомо означает заниматься сегодня самым настоящим шутством. Куда ни глянешь — везде авгур. И там авгур, и тут авгур. Только захочешь сказать что-нибудь, а тебе уже понимающе улыбаются. Вот и валяет тот же Розанов дурака (для все понимающих авгуров): то он «монархист», то «либерал», то он «юдофил», то «юдофоб», то он «православный», то «язычник» и т. д., но всегда при этом говорит Розанов об одном и том же и *своем*, и как бы поверх всяких «филий», «фобий», «измов». Только для того, чтобы понять это, нужно зрестать, наконец, «понижающе» всему улыбаться.

Шут — это в некотором смысле «шпион наоборот», то есть единственный не шпион среди всех шпионов. Все что-то скрывают, от кого-то прячутся, недоговаривают, высматривают, идут обходными путями, а шут может позволить себе незамысловато «валять дурака», выбирая прямые пути, — все равно никто не поверит. Ведь ничего такого быть не может. Шутник, да и только! Так что, как *если бы* частного мыслителя (он говорит или пишет так, как будто выражает Божественное «хочу») — это для авгура. Шут, говорите? Извольте, пусть будет так. Никак это и ничему не повредит. Частный мыслитель и сам частенько шутливо относится к самым серьезным *своим* мыслям, а еще чаще — к *своим* словам и писаниям. Имеет значение одна только «музыка»!

Видимо, по этой же причине (или по какой-то еще) частный мыслитель время от времени просто плюет на всякие там *роли* — шута ли, авгура ли, интеллектуала и даже, прости Господи, на свою собственную роль «мыслителя». А «писателем» он себя и так не считает.

* * *

Объектом мышления частного мыслителя является его собственная мыслящая душа. О чем мыслит частный философ? Он не глядит по сторонам, его интересует то, что происходит в его собственной душе: с одной стороны, он *прислушивается*, то есть на мгновение останавливается, сосредотачивается в надежде уловить едва ли уловимое; затем (правда не всегда, но со временем все чаще и чаще) что-то происходит, и он замечает, что в душе его начинает струиться «музыка»...; с другой стороны, он просто регистрирует приходящие к нему в этот момент мысли, записывая их, где попало («Опавшие листья»), а потом отбирает из них особые — звучащие. Итак, объектом мышления частного философа являются мысли, которые он уловил в душе своей и которые могут иметь отношение к

самым разным вещам на свете («Темы бывают всякие», — скажу я на этот раз цинично»¹⁷), а это значит — его собственная *мыслящая* душа, открытая самой дальней дали. Но как можно отличить звучащие мысли от простых, беззвучных? Очень просто: звучащая мысль озаряет нас *пониманием*.

* * *

Звучающая мысль есть нечто иное, как озаренное понимание. В молодости своей В. Розанов написал объемистый трактат «О понимании». Мысль его в то время не была лишена налета трансцендентализма — он мечтал о том, чтобы наука и философия, наконец, прекратили распри между собой и сошлись в сознании своего единства, общей для них области *понимания*. Это последнее рассматривалось начинающим мыслителем почти что гипостазированно, как нечто третье по отношению и к науке, и к философии, общезначимое, вечное и вместе с тем причастное человеку. В понимании взыскующий истины успокаивает стремления своего разума. Вместе с тем, в этом же трактате содержались зерна иного разумения и понимания, проросшие в его зрелом творчестве «Уединенное», «Опавшие листья», «Мимолетное» и другие сочинения.

Озаренное понимание заставляет мысль звучать. Как? Почему?

Понимание укоренено, как в причине своей, в первоначальной природе человека¹⁸. Это значит, что понимание озаряет нас в сосредоточенной тишине бездействия в тот момент, когда мы раскрыты воздействию *объективности сознания*. Мысль можно сконструировать, но придать ей звучание — нет. Звучающая мысль в форме озарения — понял! — овладевает нами полностью, всецело и невольно. А нам остается только смиренно и с необыкновенным воодушевлением принимать случившееся как факт. Частный мыслитель доверчив. «Музыка», которую он время от времени слышит в душе своей, совсем для него необременительна... Зачем же роптать?!

Озарение предугадать невозможно, но было замечено, что вероятность его появления значительно повышается, если мы готовы перед лицом первоначальной своей природы пожертвовать всем, вплоть до самых любимых своих игрушек. Даже своим собственным интеллектом — столь милой сердцу забавы всякого более или менее порядочного специалиста. Ибо выше интеллекта — разумное понимание. В нем человек обретает по наитию цельное знание. Озаренное понимание рождается из глубоко личной настроенности на то, что есть *исток* этого — мир, и потому звучащая мысль столь памятна...

Озаренное понимание существует по законам целого. Оно целостно, неделимо. Его нельзя напрямую вывести из деятельности мышления, каких бы усилий это нам не стоило. Напротив, понимание озаряет наше мышление, придает ему смысл в конкретных его проявлениях, делает значимым для других людей. С другой стороны, восприятие озаренного понимания также определяется законами целостности. Целостность нередко являет себя в образах. Поэтому частный мыслитель невольно оказывается немного «писателем». Не ищет он никакой «литературности» специально, просто все

¹⁷ Синаевский, А. Указ. соч. С. 147.

¹⁸ Розанов, В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М., 1886. С. 733.

происходит само собой. Впрочем, и в понятиях результаты озаренного понимания выразимы, но только для того, чтобы достичь этой цели, потребуются гораздо больше времени, сосредоточенности и значительно большее количество выразительных средств.

Следовательно, озаренное понимание, делающее мысль по-настоящему значительной, по форме своей иногда может быть донельзя прихотливо — ярко, замысловато узорчато, противоречиво, провокативно или слишком конкретно и «жизненно», чересчур интимно. Ко всему этому — явно субъективному — у нас мало доверия. Не введет ли это нас в заблуждение? Как будто мы заранее знаем, какой должна быть *правильная* мысль. Частный мыслитель не хочет знать этого, потому пишет так, как Бог на душу положит.

Озаренное понимание свободно и самостийно, оно не может быть определено ничем извне. Непонимание управляется, пишет Розанов, религией, государством, искусством, философией (добавим мы), но они — пониманием¹⁹. Если даже влияние одного на другое и возможно, то никак оно не вытекает ни из природы понимания, ни из природы жизни нашей. Это значит, что озаренное понимание рождается из *незаинтересованности* жизнью, то есть из рассеянной нашей сосредоточенности на *другом* и *своем*²⁰. Поэтому непонятны частному мыслителю *взволнованности* интеллектуала. Частный мыслитель не отрицает жизни, он просто понимает: из страстного интереса к жизни не рождаются звучащие мысли.

И все же, мысль не может звучать без надлежащего слова.

* * *

Надлежащее слово и мысль. Частный мыслитель относится к слову осторожно. Он его не боится, но и нельзя сказать, что благоговееет перед ним, потому что понимает: все хорошо на своем месте. Мысль не управляется словом, но и слово не управляется мыслью. Имеет смысл говорить только о том, что понимаешь. Но цельное знание не всегда легко выразить. Стало быть, мысль и слово должны где-то сойтись — и тогда мысль зазвучит в полную свою силу. «Какой» должна быть мысль, мы догадываемся — она должна быть озарена пониманием. Но «каким» должно быть слово, прежде чем мысль «заговорит» и найдет своего адресата?

Понятое, прежде чем быть выражено, должно знать, к кому оно обращено. Мысль Розанова была обращена к разным людям, но чаще всего к самому себе. Частный мыслитель нередко разговаривает сам с собой. Но опать же не из большой любви к себе, а из любви к истине, которая не может миновать душу нашу. «Лишь там, где субъект и объект — одно, исчезает неправда»²¹. Значит, до слова должна быть еще и открытость себя собственной глубине — это, по всей видимости, называется *искренностью*.

¹⁹ Розанов В. Указ. соч. С. 733.

²⁰ Изложение розановской концепции понимания, осмысленной через М. Хайдеггера, можно найти в небольшой, но интересной работе В. Бибикина: Слово Розанова // Знание—сила. 1991. № 11. С. 54—55. Эта же работа под другим названием («Голос Розанова») и в несколько переработанном виде была опубликована в сборнике работ автора: *Бибикин, В. Другое начало.* СПб., 2003. С. 129—146.

²¹ *Розанов, В. Опавшие листья. Короб первый* // Сочинения в 2 т. / В. Розанов. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 323

Мысль, прежде чем встретится со словом, должна нести в себе искренность и понимание.

Если же это случается с мыслью, слова приходят сами собой. Мысль начинает звучать, когда в слове, помимо «мыслимого содержания», выражается еще искренность и понимание говорящего или пишущего.

Стало быть, единственное, что подготавливает слово к возможной встрече с мыслью, — это его, слова, *скромность*. Слову не следует быть самостийным, оно должно быть абсолютно прозрачным для искренности и понимания.

Но и мысль должна целиком отдавать себя слову — она должна быть *доверчива*. Открыта тому слову, которое пришло прямо сейчас, схвачено мыслью «на лету». Мысль начинает звучать, когда она предельно открыта и доверчива слову, когда она позволяет слову быть самим собой.

Может быть, такого рода отношения слова и мысли и означают *свободные* отношения? Никто никем не хочет управлять, но все добровольно, без тени сомнения выполняю свою работу. Может быть, это означает также и «конец литературы»? Ну, и Бог с ней, с «литературой». Иногда частный мыслитель не хочет быть «писателем», потому что стыдно... И мы его хорошо понимаем и потому прощаем.

* * *

О чем никогда не будет думать частный мыслитель. У российского философа-интеллектуала есть одна заветная мечта, которой совершенно чужд российский же частный мыслитель: ему пренебрежительно нужно, чтобы о его философии знала вся Европа, чтобы шли о нас повсюду толки-пересуды — вот какой должна быть *наша* философия! Европейская философия — это да, стоящее дело. А что представляем из себя мы? Так, одна любовь к звучащему слову! Вот и надо нам «выправиться», оторваться от литературоцентризма и войти, наконец, в русло строгой европейской мысли. Значит, если о нашей мысли не знают в Европе и она по-европейски не строга, то это и не мысль вовсе. Ну, пусть не «строгая философия» это, но ведь останавливаемся же мы в задумчивости перед мыслью «литератора» Розанова... Впрочем, чуждым оказывается частный мыслитель и честолюбия иного рода: будто имеет смысл только мысль, рожденная на родной нашей завалинке, а до всего остального нам и дела нет, потому как *все* это чистой воды заблуждение, отход от канонически «правильного» пути к истине. Значит, если наша мысль *другая*, вся такая самобытная и о ней не знают в Европе, тем хуже для Европы — погрязнет она, себе же в назидание, во лжи и пороках. А что если вопрос «С кем мы?» не является насущно необходимым? Частный мыслитель никогда не размышляет над сутью дистинкций: «мы/они», «свои/чужие», «Запад/Восток», «я/другой», «профессионал/самодум», «индивид/общество» и т. п. У него и без того своих комплексов достаточно. Частный образ мысли начинается с другого, а именно с пристального всматривания в то, что происходит в душе нашей. Со временем подобный образ мысли становится образом жизни.

* * *

О сообществе частных мыслителей. Частный мыслитель, как правило, ведет частный образ жизни, хотя это необязательно. Частный образ

мысли, наверняка, как-то связан с частным образом жизни. Но не так, что одно непременно и прямо определяет собой другое. Слава Богу, все устроено гораздо свободнее. Частный мыслитель ищет «просвета», где его жизнь и радикально не его объективность сознания могут как-то сойтись. И здесь иногда для того, чтобы устоять «в просвете», не обойтись ему без помощи другого частного мыслителя, Сократа/Платона, Витгенштейна (и в Кембридже бывает *такое*), Монтеня, Кьеркегора, Паскаля, непременно Чаадаева, может быть, Соловьева, пожалуй, Шестова или того же Пятигорского, думаю, что и Библихина и др.

Но как может положиться на помощь другого человек, который живет «музыкой» в своей душе? Очень просто — в мыслях и писаниях других частных мыслителей он прежде всего слышит «музыку» и лишь затем идеи и концепции. Когда частный мыслитель становится слишком серьезным, «с головой» уходит в свою концепцию — вот здесь он нуждается в срочной помощи другого частного мыслителя. Дело в том, что чтение сочинений других частных мыслителей пробуждает в нем мысли, которые, в свою очередь, заставляют звучать «музыку» в его душе.

Ну, а когда в душе твоей звучит «музыка», тебе становится легко и весело. Частный мыслитель — веселый человек, и это уже характеристика его образа жизни. Сообщество частных мыслителей — это сообщество веселых людей, втихая (зачем раскрывать кому-то другому свои маленькие тайны!) высмеивающих самих себя — свои натужные концепции, красивые слова и умные мысли. Иногда, однако, не выдержит частный мыслитель и «выпишет» какой-нибудь крендель. Все вокруг удивляются: какой он все же ненадежный: всегда до этого вот так, а потом вдруг раз — и все по-иному! Определенно, нельзя ему доверять. Но невдомек им, что и у частного мыслителя, бывает, терпение лопается — не может он больше сдерживать свою веселость и дальше столь же серьезно относиться к тому, что он делает. К сожалению, иной раз подобный образ жизни может огорчать кого-то...

* * *

Об отношении других мыслителей к частному мыслителю. Иногда частный мыслитель ссорится с другими мыслителями (не частными), а потом просит у них прощения. Но эти последние его не прощают. Наверное, потому что хотят они во что бы то ни стало забыть в себе частного мыслителя ради служения какой-нибудь Идее. Они обзывают частного мыслителя разными обидными словами, например, «шариком», который будешь придавливать, а он выскользнет. Или «стихией хаоса», или еще пуще — «зверьком-хорьком, душащим кур, но мнящим себя львом»²² и т. д. Неправильно все это! Впрочем, нет. Одно сравнение, пожалуй, верно: частный мыслитель — шарик. Если надавишь на него одной Идеей, он непременно выскользнет. Потому что он тоже служит, но не Идее, а «музыке». Отвратительный тип!

²² См. пронзительно трогательные письма последних дней жизни В. Розанова, а также оценку Розанова другим замечательным российским мыслителем о. П. Флоренским, который склонен был волевым образом направлять свою мысль в нужное русло, сознательно укореняя ее в православной традиции (Розанов, В. В. Письма 1917-1919 годов // Литературная учеба. 1990. № 1. С. 76—88).